

вой редакцией пятой сцены «Бориса Годунова» Пушкин работал в начале января 1825 года¹¹).

По данным «Словаря языка Пушкина», до «Бориса Годунова» слово *трапеза* / *трапéза* не встречается у Пушкина, а со времени работы над «Борисом Годуновым» встречается 14 раз¹². Пушкин многократно использовал его в своих поэтических произведениях, причем исключительно в церковнославянском варианте *трапéза*, и не только в произведениях исторической тематики («Езерский»), но и в «Евгении Онегине», «Домике в Коломне», «Моцарте и Сальери», например, в шестой главе «Евгения Онегина»:

Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дела
Делили дружно?
(VI, 129)

Из других выписанных Пушкиным из Четырех-Миней слов отметим редкое слово *куколь* — особый монашеский головной убор. Единственный раз его регистрирует «Словарь языка Пушкина» в поэме «Анджело» («под черным куколем... монах» — VII, 119)¹³.

Обращают также на себя внимание выписанные Пушкиным подряд слова: «толкъ, толмачъ».¹⁴ В древнерусском языке слово *толкъ* имело несколько значений, в том числе и значение «смысл». Именно в таком значении, не отмеченном «Словарем языка Пушкина», это слово используется в пятой главе «Евгения Онегина»:

Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку,
И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом...
(VI, 104)

«Не видеть толку» здесь — именно «не видеть смысла», «не находить объяснений». Отмеченное в «Словаре языка Пушкина» значение «не видеть пользы»¹⁵ к данному случаю не относится. Над

---

¹¹ См.: Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. М., 1983. Т. 11. С. 52.

¹² Словарь языка Пушкина. Т. 4. С. 590.

¹³ Там же. Т. 2. С. 455.

¹⁴ Рукою Пушкина. С. 550.

¹⁵ Словарь языка Пушкина. Т. 4. С. 550.

пятой главой «Евгения Онегина» Пушкин работал в Михайловском вскоре после завершения «Бориса Годунова», так что использование им слова *толк* в значении «смысл» тоже может быть связано с изучением Четрых-Миней, с семантическим сближением слов *толк* и *толмач*, отмеченным в автографе ПД 709.

Если же вернуться к «Борису Годунову», на основании точных лексических соответствий его текста и выписок в автографе ПД 709 можно констатировать, что не только житие царевича Дмитрия, но и многие другие тексты «Книг житий святых» Дмитрия Ростовского послужили непосредственным источником трагедии Пушкина и обогатили его поэтический словарь.

И. Ю. Юрьева

ПОЧЕМУ ПУШКИН ИЗМЕНИЛ ПОСЛЕДнюю РЕМАРКУ В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»

Трагедия Пушкина кончается знаменитой ремаркой «Народ безмолвствует»,¹ давно ставшей крылатым выражением, которое знает каждый грамотный человек в России. Ремарка вошла в словари «крылатых слов».² Знаменитые слова Белинского, завершающие посвященную «Борису Годунову» десятую статью о Пушкине, закрепили ее величественное звучание в сознании интеллигентного читателя: «Это — последнее слово трагедии, заключающее в себе глубокую черту, достойную Шекспира... В этом безмолвии народа слышен страшный, трагический голос новой Немезиды, изрекающей суд свой над новою жертвою — над тем, кто погубил род Годуновых...»³

Между тем всем филологам, хоть немного занимавшимся Пушкиным, известно, что эта ремарка появилась только в единственном

¹ Подробный рассказ об этом финале см: *Алексеев М. П.* Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 227—244.

² См.: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1955. С. 354; *Мокиенко В. М., Сидоренко К. П.* Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999. С. 376—379. Позволю себе маленькое смешное воспоминание. В университетские годы мои сокурники сочинили песку-фарс из студенческой жизни, отталкиваясь от «Годунова», «Фауста» и других текстов мировой литературы. Пьеска заканчивалась ремаркой: «Народ треплется».

³ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.] М., 1955. Т. 7. С. 534.

прижизненном издании «Годунова» (1831). Во всех рукописях трагедия кончалась ремаркой: «Н а р о д. Да здравствует царь Димитрий Иванович!» (см.: АПСС. Т. 7. С. 331, 374).

Печатная концовка, несомненно, более эффектна, кажется более величественной и зловещей, однако, с нашей точки зрения, завершенная в Михайловском 7 ноября 1825 года рукопись заканчивалась более страшным и глубоким текстом, чем эффектный конец печатной версии.⁴ Ниже мы попытаемся обосновать свое предположение.

Начинается трагедия (сцена «Кремлевские палаты») с обсуждения врагами Годунова его притязаний на царскую власть.⁵ Боярская оппозиция формулирует основной метод борьбы с неудобным претендентом: «Давай народ искусно волновать...» (с. 262). Так в трагедию вводится тема народа, которая становится важнейшей (может быть, самой важной). Народ — это та сила, опираясь на которую можно осуществлять любые повороты в управлении государством. Понимают это, как мы увидим, и Годунов, и его противники.

Что же это за сила? За первой сценой («Кремлевские палаты») следует «Красная площадь», где Бориса продолжают уговаривать принять корону, а затем — важнейшая для замысла трагедии сцена «Девичье поле. Новодевичий монастырь». Здесь появляется тот самый народ, которому суждено сыграть роковую роль в дальнейшем развитии действия.

Толпа показана в некоей перспективе. Мы (зрители) как будто наблюдаем за ней сверху. Сначала слышим тех, кто впереди, ближе к основному месту действия. Они понимают (им объяснили) сценарий происходящего: «...они <бояре> пошли к царице в келью <...> / Упрямятся; однако есть надежда...» (с. 263). Наш взгляд отодвигается к задним рядам. Здесь картина совершенно другая. Перед нами те, кто не слышал объяснений. И мы видим: никто ничего не понимает: «...то ведают бояре, / Не нам чета» (с. 264). При этом они

---

⁴ Г. А. Гуковский писал: «Первая редакция концовки: “Н а р о д. — Да здравствует царь Димитрий Иванович!” — была не менее устрашающей, чем окончательная» (Луковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. [М.], 1948. С. 38).

⁵ В нашей статье мы опираемся на первую редакцию трагедии (ПД 891), завершенную в Михайловском 7 ноября 1825 года, которая называется «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» и которая заканчивалась первой ремаркой. Она напечатана в новом академическом собрании (АПСС. Т. 7; далее страницы этой редакции указываются в тексте), а ранее вышла отдельной книгой: Пушкин А. С. Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. 1825. Париж; СПб., 1993. Печатная редакция 1831 года имела существенные изменения, о которых речь пойдет в дальнейшем.

тут же присоединяются к предыдущим, которые, похоже, тоже мало что поняли: «Народ завыл, там падают, как волны. / <...> / Дошло до нас; скорее! на колени!» (с. 264). Вся эта «вакханалия» участия в непонятном действе завершается знаменитым, с виду комичным, а на деле достаточно мрачным диалогом:

О д и н

Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.

Д р у г о й

Я силюсь, брат,
Да не могу.

П е р в ы й

Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

(С. 264—265)

И все это верноподданническое буйство заканчивается дружным радостным криком (мы еще к этому вернемся): «Борис наш царь! Да здравствует Борис!» (с. 265). Из прочитанного следует только один вывод: перед нами толпа, легко управляемая, ничего не понимающая, абсолютно конформистская. Дальнейшее развитие действия показывает, что это впечатление не было ошибочным.

Борис, придя к власти, обещает: «Да правлю я во славе свой народ, / Да буду благ и праведен...» (с. 265). И он свое обещание сдерживает. Карамзин писал о Годунове, что он «если бы родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире». ⁶ При этом Карамзин объясняет (следуя враждебным новому царю летописцам), что дурные стороны его характера — честолюбие, подозрительность, а главное, кровь убиенного царевича — отвратили от него сердца россиян, несмотря на то что он «хотел, умел благотворить», и потому «проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову». ⁷

Пушкин подходит к изображению Бориса совсем по-другому. Знаменитый монолог «Шестой уж год...» отчетливо делится на две части. Только во второй, с ее «кровавыми мальчишками», возникает тема убийства царевича Дмитрия: Годунов жалуется, что муки сове-

⁶ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 416.

⁷ Там же.

сти не дают ему возможности хоть немного успокоиться от ненависти народной, омрачающей его царствование. Борис действительно хочет быть для народа хорошим, заботливым и добрым владыкой. Он рассказывает о своих деяниях:

Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
(С. 275)

Все это так и есть и соответствует историческим фактам. И Годунов абсолютно искренен. Почему же народ прокликает заботящегося о нем царя? «Живая власть для черни ненавистна. / Они любить умеют только мертвых...» — говорит Годунов (с. 265). Объяснение странное — смысл его прояснится чуть позже — в беседах с умным Шуйским, в упоминании Ивана Грозного (*свирепый внук Ивана III*) в разговоре с Басмановым. Но если вспомнить толпу на Девичьем поле — с ее глупостью, покорностью, конформизмом, — то любое объяснение нелогичности ее поведения становится приемлемым.

Вообще сложившееся представление о народе в трагедии как о величественном и праведном судии, который решает судьбы государств и государей,⁸ думается, не соответствует тому образу народа, который создал Пушкин в «Борисе Годунове». И. Э. Серман писал, что «в народном сознании, как это показывает Пушкин, абсолютно нелогично, полностью противоречит друг другу, сосуществуют две взаимно не совместимые идеи. Ведь если царевич Димитрий жив и он действительно царевич, а не “самозванец”, то это значит, что Борис его не убивал, он не цареубийца и вообще не преступник. Если же Борис убийца и преступник, значит, тот, кто называет себя царевичем, — самозванец». Этот парадокс, с точки зрения исследователя, объясняется «косностью, неподвижностью, неизменностью» народного сознания и народной этики, надеждой на чудо, ибо «ничего для себя хорошего от реального хода истории русский народ не

---

⁸ См., например, такую трактовку финала трагедии: «Историю здесь открыто творит народ <...> ...в идейном борении личности и народа, а затем царя и народа в “Борисе Годунове” — побеждает народ. <...>. Народ — могущественная сила истории, ее творец. Образ народа возвышен и чист. <...> Народ — потенциальная сила революции» (Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. С. 26).

ждал и не ждет».⁹ Этот странный парадокс народного сознания особенно явственно заметен в сцене «Площадь перед собором в Москве». В соборе поют вечную память царевичу Димитрию. Тут же один из народа сердится: «Вечную память живому! Вот уж им будет, безбожникам» (с. 69). И буквально через несколько минут, на той же площади, юродивый Николка, плоть от плоти народного сознания, выразитель его чаяний и надежд, обращается к царю»: «Мальчишки меня обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича» (с. 71).

Совершенно справедливо М. Н. Виролайнен и Л. М. Лотман, комментируя трагедию, писали, что «распространенная версия о мудрости и безошибочности народного мнения в трагедии Пушкина, безусловно, нуждается в ревизии» (с. 523). Так, Л. М. Лотман отмечает, что памятное суждение Гаврилы Пушкина: «...сильны мы <...> мнением народным» — вовсе не означает, что это мнение справедливо, хотя оно и сулит непреходящую победу Самозванцу: «...слово “мнение” — родственное глаголу “мнить” — “думать”, но и “ошибочно полагать”, и существительными “сомнение” и “мнительность”, окружено “ореолом” ассоциаций, наводящих на мысль об ошибке».¹⁰

И действительно, реакция народной толпы показывает ее внушаемость, готовность принимать любое мнение, следовать любому призыву («то ведают бояре...»). И мы видим, как умело манипулирует «мнением народным» умный демагог, утверждавший в разговоре с Басмановым, что именно это *мнение* низвергнет Годунова и принесет победу Самозванцу. В финале трагедии Гаврила Пушкин, «окруженный народом», обращается к этому народу с высокопарной речью, почтительно называя толпу «московские граждане». Каждое слово этой речи является очевидным враньем:

Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властью жестокого пришельца...
(С. 329)

Какой пришелец? Страной шесть лет правит упрощенный вами («московскими гражданами») умный правитель, и до этого избрания, и после него умело руководивший страной. Пришельцем явля-

⁹ Серман И. Э. Парадоксы народного сознания в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Russian Language Journal. 1981. № 120. P. 84, 86—87.

¹⁰ Пушкин А. С. Борис Годунов / Предисл., подгот. текста С. А. Фомичева; Коммент. Л. М. Лотман. СПб., 1996. С. 343.

ется как раз тот, кто, взявшись ниоткуда (а многие видели, знавали на Москве Гришку Отрепьева), называет себя царским сыном и законным государем. Но демагог уверенно продолжает:

Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад — все испытали вы.
(С. 329)

Какую опалу, какое бесчестие испытали простолюдины, толпящиеся вокруг бессовестного оратора? А ведь можно было вспомнить, как во время глада правитель «отворял житницы» и «рассыпал золото», а труд действительно «испытывали» *граждане*: Борис специально возводил здания, чтобы дать работу неимущим («я им сыскал работы»).

Как же реагирует на эту ложь народная толпа (каково народное мнение)? «Что толковать? Боярин правду молвил. / Да здравствует Дмитрий, наш отец», — дружно восклицает народ (с. 329), ибо бояре *ведаят*, лучше знают, что происходит. И вот наглого юнца провозглашают не только царем, но и отцом. И, убежденный в своем нынешнем *мнении*, народ *несется толпой* растерзать царя, отца которого с торжественными криками провозгласили царем несколько лет назад: «...связать Борисова щенка! / <...> / Да гибнет род Б<ориса> Годунова!» (с. 329).

Действие трагедии подошло к концу. Убиты царь Федор и его мать. Бояре сами проделали эту важную и грязную работу, отгеснив *московских граждан*. И теперь, выйдя к народу, требуют: «...кричите: да здравствует ц<арь> Дмитрий Иванович!» И наступает жуткий финал, где народ послушно повторяет: «Да здравствует царь Дмитрий Иванович!» (с. 331).

Все композиционно закольцевалось. В начале трагедии народ (наверное, те же самые люди) кричал: «Борис наш царь! Да здравствует Борис!» Теперь теми же словами он провозглашает здравицу следующему царю. Читатели, хорошо помнившие «Историю» Карамзина, автоматически экстраполировали дальнейшее развитие событий — скорую гибель и этого царя, и следующего, и ужасную «смуту» — самые страшные годы в истории России для современников Пушкина. А нынешний читатель (особенно если читает текст первой редакции, а впрочем, и последней) так же естественно экстраполирует на следующие столетия и здравицы разным царям (как бы их ни называли), и гибель их, и смуты, не уступающие кошмарам XVII века.

Однако Пушкин отказался от этой великолепной концовки, в последний момент заменив ее на не менее выразительную, но с несколько иными коннотациями. Чтобы ответить на вопрос, почему он это сделал, следует обратиться к истории публикации «Бориса Годунова». Она достаточно хорошо известна.¹¹

Получив в 1826 году от Пушкина рукопись трагедии и не желая читать довольно длинный и не очень чистый (другого у Пушкина в тот момент не было) текст, царь попросил Бенкендорфа поручить «кому-нибудь верному» сделать резюме. «Внутренний рецензент» (им был Булгарин) написал «Замечания на “Комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве”». Он обратил внимание на сцену «Девичье поле» («люди плачут, сами не знают о чем, а другие вовсе не могут проливать слез и хотят луком натирать глаза!») и задавал риторический вопрос: «Прилично ли так толковать народные чувства?»¹² Текста «Замечаний» Пушкин не увидел. Но к ним прилагались «Выписки», в которых были процитированы места, нуждающиеся, по мнению рецензента, в исправлении или исключении. В них под номером 4 была переписана вся вторая половина сцены «Девичье поле». «Выписки» передали Пушкину, который мог счесть это мнением самого Николая.

Когда Пушкин получил от царя разрешение печатать трагедию «под его собственной ответственностью», он приступил к подготовке текста к печати. В его распоряжении была рукопись, в свое время переданная царю. В ней «красно-коричневым карандашом» была отмечена та часть сцены «Девичье поле», которую предлагал исключить Булгарин. Пушкин передал эту рукопись вместе с «Выписками» Жуковскому, и тот, согласившись с Булгариным, вычеркнул эти строки. Лишившись половины текста, где показывалось непонимание, равнодушие, покорный конформизм народной массы, сцена, начинавшая изображение народа в трагедии, теряла свой основной смысл. И Пушкин вычеркнул ее из готовившейся к печати рукописи (см. с. 583, 585, 586, 587, 591).

Кроме этого из первоначального текста были исключены «Ограда монастырская. Григорий и злой чернец» и «Замок воеводы Мнишка в Самборе. Уборная Марины». Удаление этих сцен объяс-

---

¹¹ История первой (и единственной прижизненной) публикации «Бориса Годунова» подробно изложена Е. О. Ларионовой в статье «“Борис Годунов”»: Проблема критического текста» (Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 280—286).

¹² Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 92.

нялось чисто художественными требованиями. В «Ограде монастырской» полумистический чернец побуждал Григория объявить себя царским сыном — сцена замедляла действие, а значит, становилась ненужной. Вполне достаточно было короткой реплики Пимена о царевиче: «Он был бы твой ровесник» (с. 271). Для нашей темы в этой сцене интересны формулируемые таинственным чернецом причины будущей гибели обреченного Бориса, в общем тоже повторяющие мотивы, разрабатываемые на всем протяжении трагедии: зависть к неродовитому выскочке («бояре в Годунове помнят равного себе»), с одной стороны, а с другой — те свойства народной массы, которые делают ее слепым орудием исторического процесса («глупый наш народ / Легковерен, рад дивиться чудесам и новизне» — с. 273).

В уборной Марины служанка рассказывает хозяйке о слухах, что царевич на самом деле «дьячок, бежавший из Москвы, / Известный плут в своем приходе» (с. 299). В следующей затем знаменитой сцене «Ночь. Сад. Фонтан» мы видим, как раскрываются характеры героев — их темперамент, спонтанность, взрывчатость. «Я не хочу делиться с мертвецом / Любовницей, ему принадлежащей» — срывается Самозванец (с. 304). Марина поражена: вместо принца перед ней беглый бродяга. Но тут же над аристократическими предрассудками, презрением и осторожностью берут верх потаенные, глубинные страсти ее честолюбивой души: «...пока твоя нога / Не оперлась на тронные ступени / <...> / Любви речей не буду слушать я» (с. 307). Великолепно изображенное столкновение сильных личностей, шок, испытываемый Мариной, много теряют, если она заранее готовится к возможному разоблачению. Отброшенная сцена завершается ее репликой: «Мне должно все узнать» (с. 300).

Как мы видели, со сценой «Девичье поле» все происходит по-иному. Изображение в ней народа, как мог думать Пушкин, вызвало недовольство самого царя. Хотя он и не знал «Замечаний» Булгарина, но предложение вычеркнуть вторую половину сцены было ему передано. С этим исключением согласился и друг Жуковский. Скорее всего, дело было не в «грубости» отдельных реплик — никакой особой грубости и вульгарности в них нет. И возможно, именно эту сцену имел Пушкин в виду, когда, отстаивая правомочность просторечий в языке своей трагедии, писал в «<Набросках предисловия к «Борису Годунову»>»: «Есть шутки грубые, сцены простонародные. <...> ...поэту <...> нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным» (с. 94). А 2 января 1831 года, сразу после вы-

хода трагедии, он писал Вяземскому: «...одного жаль — в Борисе моем выпущены народные сцены (очевидно, имеется в виду «Девичье поле». — М. А.), да матерщина французская и отечественная; а впрочем, странно читать многое напечатанное» (XIV, 139). Удаление «Девичьего поля» было явно отнюдь не добровольным, а совершилось в результате давления. Оно не может быть объяснено художественными решениями. Дело было, безусловно, в достаточно негативном изображении мыслей и настроений собравшейся толпы. Умный Булгарин это заметил и написал, как мы помним, в оставшихся неизвестными Пушкину «Замечаниях»: «Прилично ли так толковать народные чувства?» Пушкин, наверное, понимал истинную причину настоятельного требования этих сокращений и, поскольку изображение народных настроений без второй половины сцены теряло смысл, вычеркнул ее целиком.

И сразу последняя ремарка трагедии утратила свое значение. Прежняя ремарка с учетом последующей Смуты создавала жуткую, жесткую цикличность русской истории: здравица царю, свержение и гибель этого царя, здравица новому царю. В перспективе: гибель нового царя (пушку прахом зарядили), восшествие на престол следующего (здравица Шуйскому), вакханалия самозванцев... Ощущение этой цикличности в значительной степени утрачивалось при снятии первой массовой сцены, где народ тупо приветствовал нового царя.

Именно тогда последними словами трагедии становится часто употребляемая Карамзиным формула молчания, безмолвия народа¹³ (напомним, что трагедия в окончательной редакции посвящена «драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина»). Новая ремарка ничего не меняет в концепции одного из самых пессимистических творений Пушкина: Димитрий так же обречен гибели, как и его предшественник, и воображение читателя легко прочерчивает дальнейшие трагические события русской истории. Однако при всей выразительности этого финала глубокий пессимизм первой редакции все же проявляется не столь очевидно.

Марк Альтшуллер

---

¹³ См. об этом в обстоятельной статье: *Листов В. С., Тархова Н. А.* К истории ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // *Временник Пушкинской комиссии.* 1979. Л., 1982. С. 96—102.